

Пусть Дуань Цзинсянь и не до конца понял, что именно задело Чи Юцина, укоризну в его взгляде он уловил безошибочно.

Откуда такая сноровка в поглаживаниях по голове?

Никаких тайн — исключительно привычка. Раньше он делал это сотни раз, и движение вошло в привычку. Лохматая макушка послушного щенка всегда так приятно ложилась в ладонь. Так было прежде, так оставалось и сейчас.

Вот только откровенничать об этом не стоило. Зачем плодить лишние вопросы?

Поразмыслив, Дуань Цзинсянь смягчил тон. Ледяные нотки улетучились, и он спокойно пояснил:

— В моём близком окружении почти никого нет. Тебе показалось, так что не бери в голову.

Чи Юцин вонзился в него пристальным взглядом, явно не намереваясь верить на слово.

Откинувшись на спинку стула, он допил остатки чёрного кофе и с глухим стуком опустил чашку на стол.

— От этого звучит ещё подозрительнее! Откуда же тогда такая сноровка, если ты почти никого не гладишь? Выкручиваешься, дядюшка. Просто не хочешь говорить правду.

— Но чем усерднее ты отнекиваешься, тем мне любопытнее! Кто же этот таинственный человек, которого ты так тщательно скрываешь?

С этими словами Юцин уткнулся в тарелку, принявшись за завтрак. Дуань Цзинсянь на мгновение замер, разглядывая его, после чего уголки его губ чуть приподнялись в снисходительной, беспомощной улыбке.

Этот надутый вид... Точь-в-точь как раньше.

До чего же мило.

Цзинсянь не хотел сеять в его душе сомнения: их редкие встречи и без того были слишком коротки, чтобы тратить их на бессмысленные ревностные догадки. Поэтому он сдержанно добавил:

— Тут нет никакой тайны. Ты ведь знаешь, что у меня есть младший брат.

Брат? Юцин на мгновение задумался, и в памяти всплыли нужные сведения.

Сейчас братья Дуань сходились как коса на камень, но в детстве они, скорее всего, ладили. К тому же ласковое движение Цзинсяня хоть и казалось привычным, отзывалось лёгким отчуждением — верный признак того, что в последние годы они почти не общались.

Такое объяснение Юцина вполне устроило. Он не стал допытываться дальше, чтобы не ворошить неприятные воспоминания собеседника.

Утреннее раздражение улетучилось без следа, и юноша непринуждённо переключился на обсуждение своих планов по работе. И всё же... Может, дело в розовых очках, через которые он смотрит на Дуань Цзинсяня?

Рядом с ним было удивительно уютно.

И кто только прозвал этого человека жестоким деспотом? Никакой он не суровый, а очень даже душевный! А те, кто наговаривает на него, просто понятия не имеют, как прекрасен этот «недосягаемый цветок», стоит подобраться поближе.

Ну... или господин Дуань так мягко относится только к нему одному~

Глядя на паренька, распушившего хвост от удовольствия, Цзинсянь с облегчением перевёл дух. Главное — Юцин отбросил ненужные расспросы. К тому же... его мальчик и впрямь был невыносимо очарователен.

Какой ещё «кто-то»? Единственное сокровище сидело прямо перед ним, сияя от счастья.

Закончив с завтраком, они тепло попрощались: Дуань Цзинсянь отправился в корпорацию, а Чи Юцин остался дома — дорабатывать проект по запуску собственной студии.

Проводив хозяина до машины, Юцин неспешно пошёл обратно в дом, держась в шаге от дворецкого.

Поразмыслив немного, он весьма уважительно поинтересовался:

— Дядя Хэ, вы ведь давно подле него. Подскажите, есть ли в его привычках что-то особенное, о чём мне стоит знать? Раз уж я переехал сюда, нам предстоит видеться каждый день. Хочется лучше узнать его, чтобы не возникало неловкостей.

Хэ Чжунсуй давным-давно перестал удивляться неожиданностям.

Более того, поведение гостя вызывало у него искреннее одобрение.

При осмыслении событий прошедшей ночи и уборки в столовой — когда чашка Дуань Цзинсяня оказалась на месте Юцина... Для человека с его педантичностью и панической боязнью грязи позволить кому-то пользоваться своей посудой означало слишком многое.

Помявшись, дворецкий сдержанно произнёс:

— Молодой господин Чи, господин Дуань относится к вам с душой. Поэтому, несмотря на ваше прошлое поведение и накопившийся грешок за грешком, пока вы искренне стремитесь стать лучше, у вас есть шанс начать всё с чистого листа.

Ого!

Юцин изумлённо изогнул бровь и тут же хмыкнул. На вид этот дворецкий казался кротким, приятным стариком, но выражения подбирать не стеснялся. Скажи-ка на милость! Впрочем, каков хозяин, таков и слуга.

У Цзинсяня железная хватка, да и окружение ему под стать.

Откашлявшись, Юцин отозвался:

— Вы правы, раньше за мной водился целый букет скверных привычек. Но после того как я едва не отправился на тот свет, в голове у меня наконец просветлело. Понимаю, вам трудно поверить, будто человек способен измениться в один миг, но просто понаблюдайте за мной.

Эти слова заставили Хэ Чжунсюя опешить. Просветлело? Да уж куда там!

Словно перед ним стоял совершенно другой человек!

Хоть парень и улыбался, в его взгляде проскальзывала властная уверенность хозяина положения. Вальяжное спокойствие было лишь маской — в ту секунду дворецкому показалось, будто перед ним замер опасный, грациозный хищник.

Опасный и не терпящий пренебрежения.

Быстро взяв себя в руки, Хэ Чжунсюй добродушно улыбнулся:

— Что ж, время покажет.

Немного помолчав, он перешёл к вопросу юноши:

— Господин Цзинсянь не выносит шума и предпочитает уединение. Он не пьёт, не курит, строго соблюдает распорядок дня и выбивается из колеи, когда рушатся его планы. Кроме того, господин увлекается живописью, но не любит, когда кто-то без разрешения заходит в его мастерскую... Молодой господин Чи, о прочем вам лучше узнать самому, наблюдая за ним.

Юцин понимающе кивнул, однако одно слово зацепило его внимание. Мастерская?

Нужно при удобном случае напроситься к дядюшке на экскурсию. Интересно, что может писать человек с таким характером?

Остановившись у лестницы, Юцин заметил:

— Разумеется. Я переехал сюда не для того, чтобы съезжать. И ещё... зовите меня просто по имени. Эти «молодые господа» режут мне слух.

В семье приёмных родителей только родного сына величали «молодым барчуком».

Впрочем, всё это было в прошлой жизни. Возвращаться к ней мыслями не имело никакого смысла — куда важнее смотреть вперёд и жить настоящим.

Хэ Чжунсуй понятливо кивнул и взглядом проводил поднимающегося по ступеням Юцина. Теперь он и сам с некоторой интригой ждал, как будут развиваться события.

Дуань Цзинсянь никогда не отличался ветреностью. То, что он сменил гнев на милость к человеку, с которым прежде был в натянутых отношениях, и окружил его такой опекой, наверняка имело под собой веские причины. Дворецкий не собирался лезть не в своё дело, надеясь лишь на одно: пусть эти перемены в характере молодого человека окажутся настоящими.

Главное — чтобы он не взялся за старое.

Юцин отлично понимал, что торопить события нельзя. Хоть руки и чесались, он не спешил: на скорую руку хорошего дела не сделаешь. Да и сам процесс ухаживания таил в себе немало удовольствия — оставалось лишь вкушать его шаг за шагом.

Днём, находясь дома, он собрал и настроил доставленный компьютер, провёл онлайн-собеседования, набрал штат и назначил официальную дату открытия студии — ровно через неделю.

Между делом он то и дело отправлял Дуань Цзинсяню сообщения. Тот был занят и отвечал не сразу, но к каждому бессвязному тексту Юцина относился со всей серьёзностью. Интересно, как выглядел Цзинсянь, когда с важным видом разглядывал экран телефона, обдумывая ответ?

Очень хотелось посмотреть!

Решено: надо почаще навещать в офисный небоскрёб Дуань, чтобы создавать как можно больше поводов для встреч! А пока следовало наладить контакт с домочадцами дядюшки.

Прочих слуг можно было в расчёт не брать, главное — чета дворецких. Хэ Чжунсуй заправлял всеми бытовыми делами, а его супруга, Цзян Минь, заведовала кухней. Обед Юцину тётушка Цзян принесла лично прямо в комнату.

У этой круглолицей, добродушной женщины был удивительно располагающий вид. К Юцину она отнеслась с гораздо большим теплом, чем её супруг, хотя и не переступала граней дозволенного. Готовила она изумительно, и юноша не скупился на похвалы, за что растроганная тётушка побаловала его двойной порцией полдника.

Как выяснилось, Дуань Цзинсянь был равнодушен к сладкому, и мастерство тётушки Цзян в выпечке годами оставалось невостребованным.

Так за какой-то день у них образовался настоящий «кулинарный союз»: Юцин печь не умел, зато поглощать десерты и конфеты был всегда готов.

В конце концов, в его прежней жизни хватало горечи, и маленькие радости служили хоть каким-то утешением.

Со временем это вошло в привычку.

Впрочем, теперь всё изменилось, и впредь он сможет наслаждаться лакомствами без всякого подтекста.

В течение следующей недели по дням Юцин увлечённо занимался делами студии. Финальные штрихи интерьера и прочие организационные мелочи он перепоручил управляющему. Тот немного разбирался в IT, но не был экспертом, поэтому его основной задачей стало административное руководство и переговоры. Каждый занимался своим делом, так что Юцин лишний раз не лез.

Зато вечерами он буквальным образом лип к Дуань Цзинсяню. Любит тишину? Предпочитает уединение?

На поверку же Цзинсянь с удивительным терпением относился к его навязчивости и ни разу не выказал ни капли раздражения. Человек его склада и положения вовсе не обязан был под кого-то подстраиваться.

Когда Юцин прямо спросил, не досаждают ли ему, Цзинсянь ответил, что ему всё нравится. Это окончательно успокоило юношу. Правила написаны для обычных людей, но к нему эти мерки

не применялись — он ведь твердо вознамерился стать для дядюшки самым близким человеком!

Химия между людьми — штука тонкая.

В день официального открытия студии «Ясный день» Юцин обошёлся без пышных торжеств. Вечером он просто забронировал отдельный кабинет в ресторане, чтобы поужинать с сотрудниками. Вместе с ним набралось всего пять человек, так что атмосфера царила самая непринуждённая.

Дуань Цзинсянь предложил заехать за ним после ужина, и Юцин с радостью согласился, пообещав не прикасаться к спиртному.

Разговор за столом клеился легко: собрались единомышленники одного возраста, так что беседы затянулись. Но памятуя о строгом распорядке дня Цзинсяня, Юцин попрощался с коллективом уже в начале десятого, разрешив остальным продолжать гулянку за его счёт.

Выйдя на улицу, он сразу приметил представительский автомобиль семьи Дуань. Юцин уже сделал пару быстрых шагов и занес руку над дверцей, как вдруг оклик, полный изумления и радости, приковал его к месту:

— Командир?!

«Командир»?

Кроме его ученика из прежнего мира, его так никто не называл.

Но ведь тот парень погиб в результате несчастного случая задолго до его собственной автокатастрофы! Неужели... неужели?!

Обернувшись, Юцин увидел подбегавшего к нему юношу, который замер буквально в шаге. Внешность незнакомца показалась до боли знакомой — точная копия его ученика, ровно так же, как сам Юцин походил на прежнего владельца этого тела!

Вглядываясь в лицо парня, где страх смешивался с ликующим восторгом, Юцин с трудом совладал с дыханием и тихо спросил:

— Фан Цюаньцюань?

— Это я!!

Услышав до боли родное прозвище, Фан Юань мгновенно залился слезами — встретить

земляка в чужих краях, да ещё так неожиданно!

Не удержавшись, он сходу бросился Юцину на шею:

— Командир! Я так скучал! Ты даже не представляешь, через что мне пришлось пройти за эти полгода, у-у-у-у...

Юцин похлопал его по спине и, преодолев первый шок, искренне улыбнулся. Встретить близкого человека в совершенно чужом мире — настоящая, невероятная удача!

— Ну полно, полно, — с улыбкой успокаивал его Юцин. — Когда ты погиб, я пытался выяснить подробности. А через полгода сам попал в аварию и очнулся уже здесь. Встретиться снова — это же здорово.

— Ага!

Кое-как уняв всхлипы, Фан Юань отступил на пару шагов и смущённо улыбнулся:

— Раньше я был совсем один, а теперь всё иначе!

— Ещё бы.

Открытие студии, неожиданная встреча с учеником — настроение Юцина взлетело до небес.

Однако...

Острый, ледяной взгляд, упёршийся ему в спину, заставил Юцина осечься. Точно, дядюшка! Выпал отличный шанс познакомиться их. Оба были ему невероятно дороги: Дуань Цзинсянь хоть и казался суровым, на деле обладал золотым сердцем, а Фан Юань — славный, жизнерадостный парень, наивный, но далеко не глупый, настоящий лучик солнца.

Они наверняка найдут общий язык.

Вот только встретившись взглядом с Цзинсянем, Юцин вдруг почувствовал, как внутри всё похолодело.

Жестом попросив Фан Юаня подождать, он подступил ближе к машине и негромко спросил:

— Дядюшка, что-то не так?

Лицо Дуань Цзинсяня было темнее тучи, а в голосе проскользнули арктические нотки:

— Юцин, ты обещал держаться от Фан Юаня подальше. Не прошло и двух недель, как ты об этом забыл?

Он сделал паузу и добавил:

— Глядя на твои действия, я с трудом верю твоим прежним клятвам.

— А?

Юцин обомлел. Дуань Цзинсянь впервые назвал его по имени — и при таких обстоятельствах!

Переводя взгляд с насупленного Цзинсяня на растерянного Фан Юаня, он за секунду сложил пазл. Вот же чёрт! Его ученик переродился в главного героя-приёмника этой книги?!

А он ведь только-только божился, что впредь близко не подступит к местным «персонажам»!

Ой-ой-ой, как щёки-то зажгло от стыда...

От его молчания атмосфера между троицей стремительно промёрзла до треска — точно на них обрушился снежный буран.

И что, спрашивается, ему теперь делать?!

<http://bllate.org/book/20021/1991455>